

Военная фантастика

Виталий Храмов

СЕГОДНЯ — ПОЗАВЧЕРА

Сегодня — позавчера

Испытание огнем

Испытание сталью

Испытание временем

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х89

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 21

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Храмов, Виталий Иванович
Х89 Сегодня – позавчера: Сегодня – позавчера. Испытание огнем.
Испытание сталью. Испытание временем: сборник / Виталий
Храмов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ле-
нинград», 2020. — 992 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-122149-2

Случайная смерть — и ты в теле старшины Кузьмина в 1941 году. Но
память говорит — это какой-то неправильный 1941 год.

Почти вся Москва захвачена немцами, но Советский Союз сопротив-
ляется изо всех сил. Сталин не сбежал, и его ставка в подземной Москве,
в метротуннелях. Подтягивают резервы, и возможно, ход войны удастся
переломить. Нужно приложить все силы, знания, чтобы помочь Родине
выстоять. Значит, придется идти в бой, и еще раз в бой, и еще раз до пол-
ной победы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122149-2

© Виталий Храмов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Сегодня — позавчера

Пролог Сегодня

Вот, блин, жара! Солнце нещадно палило. Прокалённый воздух маревом колыхался на месте. Ни дуновения ветерка. А тенёчка тут, на «горке», и не было никогда. Вода в канистре была тёплой и нисколько не помогала. Тут же всё выпитое выступило потом, заливало глаза, разъедая их. Одежда, горячая, пахнущая глажкой утюгом, стала жёсткой от впитанной соли пота. И снять нельзя. Так и жарься в рабочих ботинках, плотных синих рабочих штанах, в оранжевом сигнальном жилете.

Выпил третью кружку, четвёртую вылил в кепку, поболтал — прокалённый хэбэ выцветшей бейсболки не хотел впитывать воду. Да так с водой и напаялил на голову.

— Ух, гля, хорошо!

— Да, на пять сек. Потом хуже будет. Ну чё, за водой ходим? — Максим жадно затягивался сигаретой.

— Ну её! С кем другим сходи. Ты же знаешь — я тягловая животиная, не боговая.

— Ну, как хочешь. Я один пойду. А то опять Князь в истерику впадёт, заплюёт, если с собой кого возьму. Тады — засыпай.

Я пожал плечами. Укладка стрелочного перевода завершилась. Князев, руководитель работ, заканчивал выгрузку щебня-балласта на уложенную стрелку. Ребята из бригады, обречённо понурившись, старательно делали вид, что не понимают, что надо дальше делать, как-то по-тараканьи прятались от глаз Князева, по-детски наивно надеясь, что пронесёт. Устали. Очень устали.

И ничего удивительного. Время к семнадцати, работать будем до двадцати — двадцати одного. А начали в семь. И так уже третий месяц. Да и бригада должна быть 15–17 человек, а нас — 9. Каждый пашет за двоих. Не идёт народ в путейцы. Работа каторжная, оплата маленькая. Охранники за здоровый сон на рабочем месте больше получают. Ну кто пойдет в путейцы? Правильно — алкаши (им пить почти разрешают на рабочем месте), бездари и отчаявшиеся, типа меня. Поэтому и расшифровывают ПМС не как Путевая Механизированная Станция, а Последнее Место Ссылки. Ну нет работы в нашем городе! Да и в области нет. Вон — полбригады из других сел-райцентров. А Москва — она не резиновая. Да и там Рамшаны с Джумшудами всех выдавили. Двое из бригады — «москвачи». На заработки поехали — вернулись с тем же, с чем и уехали, только старше на пяток лет.

Я взял свою лопату, облокотил на неё, закурил.

Я, как и все остальные, ненавидел свою работу. Дело даже не в том, что она тяжёлая. Нет. Меня трудностями не напугать. Здесь из тебя выдавливают всё человеческое, гнобят, гноят, морально растаптывают и ноги вытирают. А ты терпишь. Отбrehиваешься только и всё. Уйти некуда — семья. Завод, где я проработал шесть лет, — встал, разворованный дирек-

торами и начальниками, как и остальные предприятия и хозяйства города и окрестностей.

— Заполняем шпальные ящики! — раздался надтреснутый голос. О, вот и мастер нарисовался. Голосок-то сел. Чё, укатывают сивку крутые горки? А, нет ещё. Вон опять с Морячком сцепился.

— Я только закурил!

— Не отвлекаясь от работы!

— Слушай, Богдан! Ты в армии служил?

Мастер ещё больше взъерепенился — упоминание о его неслуживости его задевали.

— При чём тут это?

— Даже в армии дают спокойно покурить.

— У нас не аамия!

— У нас турьма! — вставил реплику Дед, но шел уже с лопатой.

— Да вы специально сейчас закуу-или! Пока хопы-ы сыпали можно было укуу-ииться! Бо-осайте, я сказал!

— Или я тихо сказал? — продолжил Лёшка, бывший мастер, вспомнив, видимо, кавээновскую шутку.

— Потому что тишина должна быть в библиотеке, — это уже я вставил свои пять копеек, продолжив шутку.

— Не брошу! — это опять Морячок.

— Я тебя пьемии лишу.

— Тебя давно, наверное, не били, — вздохнул Морячок.

— Чё ты сказал?

— Показал! Пошёл ты, начальник!

Морячок бросил окурок, поднял совок и неспешно, прогулочной походкой пошел к нам — Князь нарисовался, вот Морячок и закрутил спектакль.

Грохот металла лопат о гранитный щебень заглушил все звуки. Попробовал бы кто-нибудь перекидать каждый вечер по несколько десятков кубов щебня. И диеты не нужны. Живот втягивается, горб растёт. Тут незаметно превращаешься в двуногого верблюда.

Когда я только устроился, именно этот щебень меня больше всего убивал. Совок лопаты категорически отказывался лезть в кучу щебня — надо потряхивать лопату, толкая её. Руки немели сразу. Пробовал подгалкивать корпусом — к ночи синяк в паху и порванные на ширинке штаны. Нелегко это. Совок за месяц стирается о щебень наполовину длины. А люди? А люди — не заметно. Да и не нужно это никому. Сейчас уже обвыкся. Но, блин, не на этой жаре. И так дышать нечем, ещё и пыль эта кремнево-гранитная столбом стоит, окутала. Пот все глаза выел.

— Чё вы как военнопленные?!

О, Княже проявился. Скучно, видно, стало. Сейчас будет театр одного актёра. А где же зрители? Без посторонних он так не разоряется. А, вот и зрительный зал — это я через плечо оглянулся. Зам ДС, руководящий манёврами в «окно», манёвры-то закончились. Сейчас кран УКСП приведут в транспортное положение, нацепляют на него остальные подвижные единицы и алес. А вот и ШЧ. Да много шнурков — аж четверо. Местные — мастер, бригадир, путейцы горочного околотка. Какое представительное собрание. Спектакль будет фееричным и обидным.

— Чё вы еле шевелитесь? Вам эсэсовцев надо, чтобы вы, мудаки, работать начали нормально! И овчарок, да автоматы эсэсовцам! Живее! «Окно»

заканчивается, а мы не пробивали ещё! Где этот долбак? Вот он ты! Где люди твои? Почему троих не хватает? Чё ты мямлишь? Какой обед? Какая вода! Сейчас я тебе дам и обед, и воду! Они же у тебя пьяные все! Ты чем тут занимаешься? Я — и стрелку ложи, и отсыпай! А ты — за людьми не можешь отследить? На хрен ты тогда нужен? Сам тогда лопату бери, раз с этим бычьём не можешь справиться. Вон они — я ж говорю — ужрались!

Все поворачиваются. Точно — два Гуся. Уже хороши. Богдан подрывается и к ним бежит, что-то орёт, руками машет. Игорь горестно кивает в ответ, кивает и идет. Он всегда согласный. Каждый день напивается под завязку этими дешёвыми «портвейнами» «Три сапога», официально именуемыми «777». А потом кивает. Хоть ты ори, хоть разорвись от визга — он кивает, но пить будет. Это он «москвач». Работал, работал, деньги обещали, обещали, да так и исчезли работодатели. Скоро сорок лет ему — ни дома, ни семьи, ни детей, но самое страшное — не будет. Лишь приобретённый алкоголизм да пустота безнадёги в глазах. Он кивает.

Женька, тоже Гусев, он другой. Отсидел по малолетке за грабёж, в армии опять склад грабанул, так по жизни и будет никчёмным. Но взрывоопасный. Идёт, набычился. Он, может быть, считает, что вообще одолжение сделал окружающим, тем, что пока работает тут. А на него орут!

— Лён, смотри, ща чё-то будет! — толкаю я бывшего мастера.

Тот тоже перестаёт грести шебень, ставит лопату, черенок — подмышку, опёрся так. И я так же, повиснув на лопате, закурил.

А действие меж тем развивалось. Женька уже не молчал, а яростно «дискутировал», тоже жестикулируя. И тут Дылка (прозвище мастера — на железной дороге нет дырок, а лишь отверстия, кроме того, он картавил, проглатывая «р»), совершил ошибку — встав на пути Женьки, толкнул его двумя руками в грудь. А он пьяный. Полетел назад, запнулся, упал. Но пьяный под защитой неведомых сил — упасть так на спину на путях очень опасно — одни камни да металл. Женька тут же вскочил, ужом метнулся, схватил лопату, замахнулся резко, ударил. Богдан-мастер увернулся, лопата грохнула о рельс, черенок переломился у основания, Женька опять взмахнул получившимся колом и погнал уворачивающегося Дылку по путям через «горловину» «парка» к зданию диспетчерской.

Мы ржали. От души. Истерично, зло.

Князев в это время звонил в милицию, но там его, видимо, послали «по инстанциям». Он кинулся на ДС:

— Вызывай охрану, что стоишь? А если он его убьёт?

Тот пожал плечами:

— Твои люди — ты и суетись. Убьёт — и поделом.

Ага! Получил от ворот поворот! А ты думал, авторитет для них великий? Обломись, дядя! Ты — клоун! Хотя нам же хуже. Сейчас на нас кинется. Ну вот, точно.

— Чего вылупились? Придурков не видели? Сами такие же. Засыпайте! Бригадир! Где ты, твою мать? Чего ты опять там копаешься? Рельсорез не нужен будет больше сегодня. Давай засыпай! Распустил бригаду! Как штрафники! Ходят, как в штаны наложили!

И так далее по тексту. Всё это мы уже не раз слышали. А Бугор (бригадир) и того больше. И копается с рельсорезом не потому, что тому ремонт нужен, а потому что пьян. Развезло его на жару сильно. Вот и сидит там

с Воробьём. Оба в бессознательном состоянии, видимость создают, от Князя прячась.

Но услышали. Но за лопаты не взялись. Еще бы. Пьяные-пьяные, но дело своё туго знают. Типа они «механики», им не до лопат. Доковыляли до ЖЭСки (ж. д. электостанция бензиновая), подвигали её туда-сюда. Начали дёргать за шнур. Она, конечно же, не заводилась — принялась и заглохла. Я отсюда вижу — кранчик подачи топлива-то они не открыли. Специально, конечно. Сейчас подрывают, провозятся, мы и засыпем всё без них к этому времени.

— Чё вы за ЖЭСку схватились? Рано ещё обвариваться. Лопаты берите. Лопаты берите!

Князь схватил их за шкурки, как котят нашкодивших, дёрнул. Они поднялись, пряча глаза, поплелись к лопатам, достали сигареты.

— Прячь курево! Лопаты берите!

Они мучительно долго надевали грязные, прорванные рукавицы, долго перебирали совки — у них «персональных», как у меня, не было сроду, они же «МЕХАНИКИ!». А те, что там остались — уже не лопаты, а огрызки. Наконец, выбрали. Захрустели щебнем, загрохотали. А Князь всё это время над их головами разорался какие он им «кары небесные» обеспечит. Как увольнять нас всех будет, как мы по миру пойдём, как мы зарплату больше «в глаза» не увидим. Старая песня. Надоевшая. До боли душевной.

— Мы не рабы, рабы не мы. Или уже рабы? — это опять у меня с языка сорвалось.

— Рабы. Мы ещё в ноги должны поклониться Князю, что уже месяц ночевать домой ходим, — ответил Лёня. — «Горку» закончим, уедем куда-нибудь в Ебуня, где и связи сотовой нет. Вот тогда! Хорошо если ночь с субботы на воскресенье дома проведёшь.

— Как в апреле?

— Под Воронежем-то цветочки были. Связь была, вода, помыться-искупаться. Вагон-столовую давали. Это потому, что шесть бригад было. А если одни поедем, с этим придурком — ни столовой, ни ноги помыть. Только и будет — давай, давай!

— Лёнь, никак к нам летит?

Правда, вот он прискакал:

— Вы соединители снимали?

Мы жмём плечами. Это забота Князя и Бугра — определять, что снимать (сгружать) с «прикрытия» (платформа, половину которой занимает металлическая будка под инструмент), а что нет.

— Эти два Гирея — не мычат, ни телятся. Так! Ты, — это он мне, — на ключи, принеси приварные соединители. Сколько надо-то?

— Четырнадцать.

Вчера укладывали точно такую же стрелку, ушло четырнадцать. Я запомнил. Я же за ними ходил вчера. Они их и вчера не сгрузили.

— Сейчас идти?

— Э-э, — Князь задумался. Блин, какой сложный вопрос! Тут столько думать надо!

— Может, после Компакта? — подсказал я.

— Да, как пробьём — иди.

— Чё сейчас не пошёл? — спросил тихо Лёня, когда Князь отошел. — Пошкерился бы где-нибудь.

Я пожал плечами. Что сказать? Ступил.

— Придурок ты в натуре, Витёк. В нашем деле что главное? Поменьше хребет поломать. Потупить. Не как ты сейчас, а чтоб поменьше повкальвать. Пусть другие вкальвают. Как вон Бугор. Видел?

— Видел.

— А ты? Всё за общее дело переживаешь? А оно твоё дело? Оно Князя дело. Если всё получилось — он грудь колесом — он сделал! Вот он — какой молодец! А обсирается всегда не он. Всегда других своим гуаном засыпает. Который день он про соединители забывает, а виноват — Бугор. А их там всего двадцать штук осталось. На завтра не хватит. Ему говорил ты вчера? Говорил. И чё? Ничё! Завтра будут «героические» метания «по недопущению срыва окна». На уши всех поставит.

Меж тем всё засыпали. Макс приволок воду. Холодную. Отпивались, отливались, пока заходил Компакт — австрийская выправочно-подбивочная машина. С рёвом и грохотом Компакт начал работу. Земля под ногами сильно и часто завибрировала. Я закурил. Лёня не курил. До ста лет, наверное, дожить хочет. Или помереть здоровым.

— А нам-то что? — продолжал Лёнька. — Много мы положим стрелок или мало, много нас народу будет или мало — зарплата не изменится. Вот и скажи, что мы сделщики. Вот сейчас ты наряды за этих горлопанов пишешь, вот скажи — так или не так? Не закроют они больше ста пятнадцати процентов выработки, хоть ты тресни по шву. А у нас больше двухсот пятидесяти процентов. Все наряды перерисуют. Или расценки срежут. А вот Князю будет разница. Да и начальнику будет. Объёмы-то приличные, зряплата та же, по фонду зарплаты экономия. Начальнику — премию за экономию, ему же с Князем по ордену от «железки» за заслуги, за перевыполнение плана по штуко-километрам, ещё по премии. А нам — сосите вы, ребята, сосновые шишки в Новобуново.

— Орден Сутулого, — поддакнул Дед, — с закруткой на спине.

Появился мастер. Живой. И даже не побитый, тварь! Один пришёл.

— А Женька где? — это Бугор.

— Менты забрали. Он и с ними подрался. Дубинками его откиздели.

— Ну, ты и сука, начальник!

— Кто сказал?

— Да все! Чё, всех сдашь? Сдавай! Давай! Щас звони! — Бугор вскочил, рванул на груди «желтуху» (сигнальный жилет), петухом пошёл на мастера.

— Хорош, Бугор, — это я уже встречаю, — охолони!

— Шёл бы ты, мастерок, к остальным ублюдкам, в смысле начальникам. Тебе с ними привычнее. Да и нам спокойнее, — это Морячок.

— И вонять перестанет, — это Дед.

Мастер, «сделав обиженного», отошёл, но к Князю не пошел, присел в сторонке, закурил.

— Вот уроды!

— Да Женёк и сам виноват, — сказал Игорь, — я ему говорил — тебе хорошо, по тебе охереть, как видно. Да и пить он не умеет. Псих.

— Ты умеешь? — спросил я его. Люблю Игоря подколоть. — Клоун.

— Да достал ты. «Клоун, клоун». Зато не псих. Выпил — не отсвечивай. А этого постоянно на приключения тянет. И Максимку нашего за собой тащит.

Хороший он мужик, Игорь. Но потерялся он где-то по жизни. Заблукал. Потому и беспутный. Попал в замкнутый круг без надежды выбраться. Да

и я тоже в ж... в ентом самом месте, но я не пью. Совсем. Потому пока и сохранил и жену, и сына. А запью — с горя да с безнадеги — стану ну точно Игорем. Себя вероятного в нём вижу.

Максимка — иной вариант. Он не стал взрослеть. В двадцать пять он сохранил разум подростка. Чисто дитё. Тоже своеобразная защитная реакция психики — нежелание воспринимать мир всерьёз. Тоже сильно пьёт. Но больше — просто за компанию. Не может отказать. Возможно, считает, что это круто. Дитё есть дитё. Этого принять я не могу. Какая-то страусиная позиция — спрятаться.

Одни прячутся в опьянении, этот — в детстве.

Компакт закончил работу. Князь поднялся в машину — маршрутный лист бригаде подписывать, Дылка схватил шаблон. Я подошел к домкрату, проверил его. На домкрате легче. Не то чтобы Лёнькины слова дошли до меня, просто эта жара меня доконала. Пусть подбойками другие поработают. Они же решили опять поиграть в тупых — ничего не знаю, ничего не слышу, не вижу, ничего никому не скажу. Князь рывкнет — пойдут. А домкраты заняты — Лёнька за второй вцепился.

— Пробиваем флюгарочные брусья! — Княже проявился. Мастер уже уровень выставляет. Потатил и я двухпудовый домкрат.

— Принёс соединители? — похоже, это он мне.

— Нет ещё.

— Ну так неси. Домкрат вон Дед возьмёт.

Он поднял рацию:

— Горка?

— Да, горка, слушаю, — прошипела рация.

— Докладывает руководитель работ Князев. Работы по замене стрелочного перевода №... закончены. Ограждения сняты. Можно распускать.

— Поняла... ш... п... — Дальнейшего шипения я не слышал — всегда плохо воспринимал речь через рацию или громкоговорители, не разбираю.

Вот так вот. Ещё делов часа на четыре, но он открыл движение! Отчитался. Молодчик! Ещё сорок минут окна было, но он быстренько отчитался. В акте приёмке поставят красивое время. Да кого колышет? Ну и что, что опасно это?

Я топал по шпалам в «парк». Там отстаивалось наше «прикрытие». На соседних путях работали тоже наши. Две бригады, человек сорок, мельтешили оранжевыми букашками. Некоторые замахали руками, видимо узнали. Я тоже поднял руку в приветствии. Они не унимались, ещё больше народа махали, что-то кричали, тыкали руками в меня, указывая за меня.

Я обернулся. По этому же пути ехал на меня полувагон. Тихо ехал, неспешно и неслышно.

Я уже говорил, то я животина не беговая, а тягловая? Я и живу так же неспешно, и соображаю так же неспешно, но основательно. Жена вообще называет меня тормозом. Поэтому, когда я увидел вагон, прущий на меня с неизбежностью смерти, первой моей мыслью была, конечно же, неправильная, а именно: «Какого хрена он тут делает? Окно же!» Тут я вспомнил, что движение-то уже открыли.

И я прыгнул из колеи пути, но поздно. Я как обычно — ступил, стормозил. Я видел в прыжке приближающийся тёмно-зелёный угол полувагона. Я понял, что не успеваю. Всё. Алес капут. Финита ля комедия. Эта штука не е... не ест, а давит.

Я не боялся. Совершенно. Страх не было совсем. Его уже давно во мне не было совсем. Уже с десятков лет я ничего не боялся совершенно, даже смерти. Жена говорит, что я настолько тормоз, что не успеваю испугаться. Но я думал совсем не об этом. Последней и единственной мыслью было: «И это — всё? Так бессмысленно и бесполезно? Где смысл? И для чего же я жил?» Удара не почувствовал. Просто наступила Тьма.

Ничто в Нигде

Боли не было. Ничего не было. Полное отсутствие всего. Вообще ничего. Полная, абсолютная темнота. Но я же думаю! Я мыслю, значит, я — существую. Цитата. Не помню откуда. Я живой. Или как?

Долго. Сколько — непонятно. Долго-долго ничего не происходило. Потом что-то изменилось. Мне показалось, я начал двигаться. Как двигаться? Непонятно. Тела своего я не ощущал. Ногами не шел. Ничего не ощущал, кроме изменения моего местоположения относительно предыдущего местоположения. Падение? Полёт? Не знаю — как это — полёт? В свободном полёте быть не приходилось. На падение похоже. Тут уж у меня большой опыт, в падениях. Но падал я не вниз, как должно быть, а как-то вбок.

Ещё изменение — источник света вдали. В кромешной тьме — отсвет далёкой призрачной звёздочки. Как только я увидел едва различимый отсвет, появилось новое ощущение — боль. Боль! Блин, как я не любил боль! Я ужасно плохо переношу боль. Не могу её терпеть, вернее — терпеть её не могу! Ничего никогда не боялся, а боль не переношу.

Звездочка пропала. Пропала и боль. Повисло опять Ничто темноты. И движение прекратилось.

Не-ет, так не пойдет! Да, приятно, конечно же, когда ничего не болит (а чему, кстати, болеть-то?), но Ничто меня не устраивает. И я рванул(ся в сторону, где отблёскивал до этого свет.

Опять появилась звёздочка, появилось падение, вернулась боль. Но теперь для продолжения падения приходилось прилагать усилия, будто я толкал что-то на подъём горы, хотя тела я по-прежнему не чувял. Да ещё терпеть боль. Это тоже тяжело. Говорят, к боли привыкают. Не знаю. Невозможно привыкнуть к этому мучению.

Что же там, в конце? Что за свет? Свет, причиняющий боль? Чем я ближе «падал» к нему, тем больнее было. Но я «толкал» «падение» всё сильнее, преодолевая всё усиливающиеся мучения. Когда стало невозможно терпеть, я стал кричать, орать, потом просто голосить во всю мощь (чего?), но упорно «толкал» к свету.

И вот Свет залил Всё. Остался только Свет. И Боль. Мука. Мучение.

— Кто ты? — раздалось громоподобно.

— Я? — удивился я.

— Кто я — я знаю. Кто ты?

А кто я? Кто Я? Имя? Что имя? Как меня зовут? Да все по-разному. Коверкают имя, вешают прозвища. Мама, жена, сын, ребята с работы, одноклассники — все по-разному. Каждый хоть чуть, но иначе. Как я сам себя называю? А кто сам себя называет, ну если сам перед собой? Я и есть Я. Имя — чушь. Придуманный людьми идентификатор. Перед этим Голосом и Болью — имя — чушь.

А что? Социальный статус? Место в обществе себе подобных? Пыль. Я — пыль. Миг между прошлым и будущим. Выживал, старался, учился, терпел. А сейчас что значит всё это, вся моя прошлая жизнь? Чушь.

Что я для людей? Для любимой жены, для того набитного мальчугана — сына моего, для матери? Они мне дороги, я им дорог. Я — муж, отец, сын? Со стыдом и болью я вспомнил, как причинял боль обид, невнимания дорогим мне людям. Стыдно. Больно. Плохой муж, плохой отец, никудышный сын. Опять не то!

А что ещё? Работа? Служба? Не служил. Работу ненавидел. Нет, я — не лентяй. Ну, не больше других. Не было у меня работы, которую можно было бы назвать Делом, заниматься Делом и быть довольным. От всех способов зарабатывания средств к существованию оставался только стойкий осадок Мозгоё...ства. Напрасно потерянное время. Не мог я себя назвать ни экономистом, ни металлургом, ни путейцем. Как один сказал: «Мы поколение коекакеров». Вот это точно. Но тоже — чушь.

— Я не знаю, — ответил, наконец, я. — Я — Никто.

— Никому место в Нигде. Зачем шел ты на Свет, терпишь Мучение?

— Не хочу в Нигде. Не хочу быть Никем. А к Свету всегда надо идти. Иначе нельзя. А Мучение? Бог терпел — и нам велел. Терпимо. Это что-то. Лучше Небытия. И так всю жизнь это — НЕ. Не-жизнь, не-смерть, не-друг, не-враг, а всё только — ТАК... Ни то, ни сё. Небытие. Унылое Ничто. Постоянно.

— Почему шел через Мучение на Свет? Легче же было наоборот?

— Легче, — согласился я. — Легче не значит лучше.

— Почему? — опять прогремел гром.

— По кочану! Не знаю! Так надо!

— Кому надо?

— Мне!

— А ты кто?

— Я? Я — человек! Мужик! Для трудностей я создан!

— Помни об этом. Не забывай!

Раскаты грома катались волнами вокруг. Отдаляясь, приближаясь, схлёстывались друг с другом, дробились друг об друга.

— Жить хочешь? — спросил тот же голос, но тише, без громовых раскатов.

— Не знаю. Особо и нет. Только...

— Только...

— Родные мои. Нужен я им. Жене нужен муж, сыну — отец, матери — сын.

— У них будут они. Может лучше, чем ты.

Если бы у меня была бы голова, я покачал бы ею, были бы губы — поджал бы их.

— Это врят ли. Будет ли он любить их, как я? Заботиться о них? Никому не доверю. Надо жить. Потому и живу. Для них.

— Ой ли?

— Упрёк справедлив, согласен.

Раскаты грома совсем стихли. Но что-то гремело всё равно. Это Боль. Мучение уже гасило Свет.

— Так что же с тобой делать?

— Не мне, видимо, решать.

— Не тебе. А чего хотел бы ты?

— Положи, где взял.

Опять загрохотало, оглушило. Мне становилось всё хуже.

— Может быть... — пророкотало, — и будет по-твоему. Но будет тебе Испытание. От того как ты пройдёшь его и будет зависеть — Небытие или «Положи, где взял». Кто ты?

— Я! Я — человек! Русский человек! А ты кто?

Боль накатывала, как штормовые волны. Боль уже гасила Свет и моё сознание. Кругом темнело. Лишь два светлых пятна осталось.

— Ты — Бог? — спросил я, но голос мой прозвучал так жалко, тихо, как стон.

— Нет, — со смешком ответил громоподобный голос, правда, в этот раз — звеня, как в пустом ведре.

— Я умер? — опять спросил я.

— Пока нет. И я, как врач, постараюсь этого не допустить.

Врач? Какой, на хрен, врач? Это...

Всё исчезло, как будто выключили рубильник.

Привет, Великое Позавчера!

Блин, больно-то как!

— Терпи, боец, генералом будешь, — грохотал болтом в пустом ведре голос.

— Маршалом, гля. Где я?

— В узловой больнице.

— Чё я тут потерял? Чё больно-то так? Чё я не вижу ничего?

— Во, ожил, залопотал. Жить будешь.

— Куда я, на хрен, денусь! Чё за узловая больница?

— А ты что, совсем ничего не помнишь?

— Что я должен помнить?

— Как твоё имя? Звание? Номер части?

— Вы с какого дуба попадали? Какое звание? Часть чего? — спросил я и тут крепко призадумался. Часть вкупе со званием — что-то воинское, а всё воинское меня обошло далёкой-далёкой стороной.

— Имя-то своё помнишь?

— Имя? — я решил подстраховаться и потупить. Тяну время. Авось, куда и вытянет само.

— Амнезия, — другим грохочущим скрежетом донеслось с другой стороны. — Обычное дело при сильных контузиях.

Точно! Амнезия. Удачно. Можно дальше дурачком прикидываться.

— Что ты видишь?

— Ничего я не вижу. Пятна какие-то. И грохочете вы.

— Все симптомы налицо. Вот ещё что проверим. Чувствуешь? Что чувствуешь?

— Бьёте по ноге и колете. Хорошо! И так всё болит! Обезболивающего дали лучше бы.

Но просьба моя была проигнорирована.

— Чувствительность нижних конечностей сохранилась, что говорит об обратимости повреждений спинного мозга. Надеюсь зрение и слух также восстановятся.